

О численности войска Дмитрия Донского на Куликовом поле

Куликовская битва 1380 г. традиционно считается одной из крупнейших битв позднего Средневековья и по значению, и по размаху. Не касаясь первого, остановимся подробнее на втором ее аспекте – размахе, попытавшись дать оценку численности войска, выставленного Дмитрием Ивановичем и его вассалами на Куликовом поле.

Естественно, что в условиях, когда не сохранилось ни точных указаний относительно мобилизационного потенциала северо-восточных русских княжеств, ни войсковых реестров, подобных, к примеру, литовскому «попису» 1528 г., ни тем более росписи русских «полков», вставших сентябрьским утром 1380 г. на Куликовом поле против ордынской рати, любые рассуждения относительно численности войска Дмитрия Ивановича и его союзников будут носить оценочный и в определенной степени спекулятивный характер. Однако, по нашему мнению, обсуждение этой проблемы позволит определить некоторые рамочные ограничения, внутри которых численность коалиционного войска может считаться более или менее разумной, не фантастической и будет близка к реальной.

В поистине необъятной отечественной историографии Куликовской битвы разброс оценок численности русского войска достаточно велик – от 100–150 тыс. до 30–50 или даже менее тыс. бойцов. Дореволюционная историческая наука придерживалась первого значения. Так, В.Н.Татищев приводит в своей «Истории Российской» цифру в 400 тыс. [35, с. 275], М.М.Щербатов – 200 тыс. [39, с. 168], Н.М.Карамзин полагал, что рать Дмитрия Ивановича насчитывала «более ста пятидесяти тысяч всадников и пеших» [13, с. 40]. Столько же дает и С.М.Соловьев, который сравнивает сражение с «побоищем Каталонским, в котором полководец римский спас Западную Европу от гуннов» [32, с. 277]. В «слишком сто тысяч» определял численность рати Дмитрия Ивановича Д.И.Иловайский [12, с. 120]. Этой же точки зрения придерживались и русские военные историки, например, П.И.Гейсман [5, с. 132] и авторы коллективного труда по русской военной истории «Русская военная сила» [27, с. 102].

В советской историографии длительное время господствовала старая оценка численности русского войска в 100–150 тыс. бойцов. Так полагали, к примеру, авторы коллективных «Очерков истории СССР» [19, с. 224], ссылавшиеся при этом на летописные свидетельства, и Л.В.Черепнин [37, с. 607]. Этой же цифры много позже придерживался в очерке «Военное искусство» в коллективном труде «Очерки русской культуры XIII–XV веков» Б.А.Рыбаков [28, с. 387]. Между тем еще Е.А.Разин в своей классической «Истории военного искусства» пришел к выводу, что «общая численность русской рати, вероятно, не превышала 50–60 тыс. человек» [24, с. 272]. Эту оценку пересмотрел в сторону дальнейшего уменьшения один из наиболее авторитетных специалистов по истории русского военного дела эпохи Средневековья, А.Н.Кирпичников. Он полагал, что на Куликовом поле собралось со стороны Дмитрия Ивановича самое большее 36 тыс. ратников, поскольку армия большей численности (100 или более тыс.) представляла бы собой «неуправляемую толпу людей, только мешающих друг другу» [14, с. 16]. Особняком стоит мнение С.Б.Веселовского, который отмечал, что, возможно, на Куликовом поле было с русской стороны 5–6 тыс. чел. «во фронте» [3, с. 268]. Сегодня сделаны попытки еще более радикального пересмотра численности русской рати. Например, А.А.Булычев полагал, что в русском войске могло быть около 1–1,5 тыс. всадников, а вся рать вместе со слугами и обозниками составляла порядка 6–10 тыс. чел. [1, с. 10–12].

Такой разброс оценок неудивителен, учитывая неудовлетворительное состояние источников по истории кампании 1380 г. На первый взгляд, их сохранилось достаточно много – это и летописные свидетельства, и литературные произведения. Но их ценность отнюдь неравнозначна. Касаясь первой группы источников, летописей, необходимо отметить, что первый, краткий, вариант летописного сказания о сражении, размещенный первоначально на страницах Троицкой летописи, написанной в Москве. – «О великом побоище, иже на Дону», появляется в нач. XV в., т.е. очень скоро после самого сражения [21, с. 419–421]. До нас этот рассказ дошел в Рогожском летописце и в Симеоновской летописи [26. Стб. 139–141; 30, с. 129–130]. Примерно в это же время составлен

был и рассказ, помещенный на страницах Новгородской первой летописи младшего извода [18, с. 376–377]. Но, увы, все эти летописные свидетельства не дают практически никакой конкретной информации о чисто военных аспектах сражения. Пространная летописная повесть, содержащаяся, к примеру, в Воскресенской летописи [22, с. 34–41], была создана много позже и несет на себе отпечаток влияния сформировавшейся к тому времени литературной традиции освещения Куликовской битвы и носит, по словам Л.А. Дмитриева, ярко выраженный публицистический характер [31, с. 331].

Более интересными, на первый взгляд, представляются литературные памятники – прежде всего «Задонщина» и знаменитое «Сказание о Мамаевом побоище». Первый памятник был создан, как полагают многие исследователи, в конце 80-х или в самом начале 90-х гг. XIV в., т.е. непосредственно сразу после битвы [См., например: 31, с. 309–311]. Однако, увы, в первоначальном виде до нас она не дошла и в силу особенностей жанра ни «Задонщина», ни тем более позднее «Сказание», созданное, видимо, в конце XV или в самом начале XVI в. [См., например: 29, с. 251–253], не внушают доверия. Обрисовывая в целом достаточно полно общую картину событий, они дают явно завышенные цифры о количестве бойцов с обеих сторон. Так, «Задонщина» (по Синодальному списку) дает нам цифру в 300 тыс. «кованой рати», а «Сказание» (в Киприановской редакции) – и вовсе 400 тыс. «воинства конного и пешего» [20, с. 100; 31, с. 60].

И поскольку имеющиеся в нашем распоряжении источники не позволяют сделать каких-либо определенных выводов о численности русского войска на Куликовом поле, остается прибегнуть к расчетам, исходя из косвенных свидетельств как современных источников, содержащих более или менее точные сведения об особенностях военного дела того времени, так и данных археологии и палеогеографии.

Для того чтобы составить представление о примерных рамочных значениях численности рати Дмитрия Ивановича, необходимо предварительно разрешить ряд основных вопросов, а именно: 1) состав русского войска; 2) вероятный его боевой порядок, определяемый существовавшей на то время традицией и в том числе характером места сражения; 3) численность воинских контингентов, которыми располагали князья и отдельные «земли» в конце XIV – 1-й пол. XV вв.

Проще определиться с последним вопросом. Применительно к 1-й пол. XV в. такие данные есть, и они представляются достаточно правдоподобными. Так, 3 июля 1410 г. 150 русских воинов под началом воеводы нижегородского князя Данилы Борисовича Семена Карамышева и столько же татаринцов царевича Талыча взяли и дотла разграбили Владимир [16, с. 240]. Соперник Василия Темного Дмитрий Шемяка имел в 1436 г. около 500 дворян [11, с. 149]. Литовский князь Острожский в 1418 г. освободил литовского же князя Свидригайло из заключения с 500-ми же «дворянами» [11, с. 146], другой же литовский князь, Александр Чарторыйский, не желая присягать Василию II в 1461 г. покинул Псков и увел с собою «...двора его кованой рати боевых людей 300 человек, oprичь кошовых...» [23, с. 58]. Псковичи в 1426 г., во время конфликта с великим князем литовским Витовтом, послали на помощь осажденной Опочке «снастной рати» 50 чел., а главная псковская рать во главе с посадниками Селивестром Леонтьевичем и Федором Шибалкиным вступили в бой с войсками Витовта, имея в своем распоряжении 400 бойцов [23, с. 36]. Князь Василий Юрьевич в 1435 г. взял Вологду, имея «дружины» 300 чел. [36, с. 183]. Спустя 10 лет, зимой 1444–1445 годов на западные рубежи Московского государства в отместку за поход русских на калужские места пришли литвины. Вдогон за ними пошли дворяне удельных князей Можайского 100 человек, верейского – еще 100 и боровского – 60 чел. [16, с. 395]. По другим данным, их было всего 300 [11, с. 151], Литовские же хроники говорят о 500 москвичих [15, с. 60]. Наконец, в печально знаменитом сражении под Суздаlem летом 1445 г., в котором Василий II был разбит татарами и пленен, его «полк» вместе с «полками» его вассалов князей Ивана Можайского, Михаила Верейского и Василия Серпуховского насчитывало менее 1 тыс. всадников («мало бе вои их, яко ни с тысячу»), а пришедший ним на помощь владимирский «полк» воеводы Алексея Игнатьевича насчитывал 500 бойцов. Противостоявших им татаринцов было, по сообщению летописца, 3,5 тыс. [33, стб. 104–106; 16, с. 262–263].

Таким образом, численность «полков» в 1-й пол. XV в., т.е. фактически сразу после Куликовской битвы измеряется сотнями, в лучшем случае немногим более 1-й тыс. бойцов. Княжеские «дворы» насчитывают по несколько сот всадников, обычно от 300 до 500, но не более, владимирский «городовой» «полк» (а Владимир – город не из последних в этих местах) – тоже 500, отдельные же отряды мелких вотчинников с уделов не превышают и сотни, редко более.

Зная примерный порядок цифр (десятки и сотни, но никак не тысячи воинов), обратимся теперь к составу русского войска. Последняя по времени и наиболее обоснованная попытка проанализировать его была сделана А.А. Горским [8, с. 97–99; 9, с. 250–264]. Сопоставив содержащиеся в летописях и повестях сведения о составе рати Дмитрия Ивановича и сличив их с данными походов 1375 и 1386/1387 гг., исследователь пришел к выводу, что в состав рати Дмитрия вошли отряды от Москвы, Коломны, Звенигорода, Можайска, Волока, Серпухова, Боровска, Дмитрова, Переяславля, Владимира, Юрьева, Костромы, Углича, Галича, Бежецкого верха, Вологды, Торжка, а также воинские контингенты, выставленные княжествами Белозерским, Ярославским, Ростовским, Стародубским, Моложским, Кашинским, Вяземско-Дорогобужским, Тарусско-Оболенским и Новосильским. К ним необходимо добавить также «дворы» князей-изгоев Андрея и Дмитрия Ольгердовичей и Романа Михайловича Брянского, и, возможно, отряд новгородцев. Не исключал А.А. Горский также и участия в сражении (в полку Владимира Андреевича) отрядов из Елецкого и Муромского княжеств, а также с Мещеры. Анализ сведений наиболее ранних источников дает несколько иные, меньшие значения. – 9 княжеских «дворов» и 12 «земельных» «полков» и, возможно, рязанцы (прончане – ?) и новгородцы.

Приняв во внимание эти данные и сведения о численности «дворов» и «земельных» «полков» (очень грубо считая княжеские «дворы» за 500 всадников каждый, а «земельные» «полки», составленные из мелких вотчинников, по 100), можно предположить, что общее количество выставленных Дмитрием Ивановичем ратников находилось между 6 и 15–6 тыс. Разброс, что и говорить, очень большой. Сузить эти рамки позволяют, на наш взгляд, знания, которыми мы располагаем на сегодняшний день относительно характера места сражения и тактики того времени. Сначала о тактике – можно с высокой степенью уверенности полагать, что боевые порядки и тактика московских ратей в это время практически ничем не отличалась от таковых у татар по той лишь простой причине, что для того, чтобы разбить неприятеля, нужно было, по меньшей мере, иметь схожие с ним приемы ведения сражения. Относительно же татарской тактики того времени есть прекрасный источник – «Уложение» Тимура, практически современника наших событий [34, с. 408–410].

Каковы же были его наставления своим военачальникам? Если войско равнялось 12 тыс. воинов, то Тамерлан полагал возможным «...разделить эти двенадцать тысяч всадников на девять отрядов и разместить их следующим образом: в центре один отряд; правое крыло – три отряда; левое крыло – три отряда; затем главный передовой отряд и его прикрытие – другой отряд. Правое крыло должно состоять также из передового отряда и правого и левого отрядов позади передового. Левое крыло точно так же имеет свой передовой отряд и два отряда позади него...».

Тактические рекомендации в этом случае выглядели следующим образом. С началом сражения амир, командующий войском, «...двигает вперед главный передовой отряд, поддерживаемый передовым отрядом правого крыла, а затем и передовым отрядом левого крыла... Если выдвинутые войска дрогнут, то следует послать для подкрепления один из двух оставшихся отрядов левого крыла; после этого – один из двух оставшихся отрядов левого крыла. Если победа еще не верна, то следует выдвинуть вперед оставшиеся отряды правого и левого крыла...». Из этих строк мы видим несколько волн, атакующих одна за другой, и маневр силами на поле боя, что возможно благодаря эшелонированию боевых порядков в глубину и, как следствие, силу удара можно наращивать за счет введения в бой свежих сил из глубины.

Если мамаево войско действовало так, как предписывал Тамерлан (в чем мы, в принципе, не сомневаемся), то, чтобы выдержать многочисленные, накатывающиеся волна за волной, атаки неприятельской конницы, и русские также должны были иметь схожие боевые построения. И если эти предположения верны, то можно предположить, что войско Дмитрия Ивановича было выстроено, по меньшей мере, в 3 линии с сильными крыльями – сторожа/авангард/центр и сильные правое и левое крылья (которые также могли быть эшелонированы в 2 линии).

Если исходить из такой диспозиции и принять во внимание рекомендации Тимура, то на ратях, насчитывающих десятки, не говоря уже о сотнях, тысяч всадников, можно смело поставить крест и больше к этой теме не возвращаться. Размеры Куликова поля, его ландшафт и растительность на конец XIV в. не позволяют разместить на нем такую массу войск с обеих сторон [См., например: 2, с. 44; 6, с. 20; 25, с. 12], да еще способную маневрировать. Ведь, как отмечал М.В. Горелик, в степях Азии еще за тысячу лет до Куликовской битвы сформировалась «тактика трех «соступов» – лучного, копейного и клинкового. Метательным оружием расстраивались ряды

противника, шоковая атака с копьями полностью ломала строй врага и обращала его в бегство, клинками уничтожалась живая сила» [7, с. 381].

Если же предположить, что войско Дмитрия Ивановича насчитывало менее 12 тыс. всадников, то оно должно было быть поделено на 9 «полков», расставленных в 3–5 линий по тамерланову уложению. Линия от линии, судя по всему, должна была отстоять на «полет стрелы», т.е. максимум на 200–300 м [17, IV. 5]. Вряд ли это ошибочное предположение, поскольку и в Новое время линия от линии отстояла на те же 200–300 шагов. «Полки», вероятно, строились в 5 шеренг, т.е. глубина «полка» должна была составлять порядка 20–25 м. Следовательно, глубина такого строя должна была составить около 1 км (с учетом глубины самих «полков»). С шириной фронта сложнее. Если «полк» насчитывал до 800–900 всадников (при войске в 8 тыс.), то по фронту его ширина должна была составить порядка 300–350 м, если 600–700 (при войске в 6 тыс.) – то около 250 м. При этом для удобства маневрирования между «полками» византийский император и полководец Никифор рекомендовал оставлять широкие проходы, следовательно, при 5 «полках» в линию (согласно тамерланову уложению) ширина фронта получалась равной примерно от 2 до 3 км. Аналогичные расчеты по 15–16 тыс. войску показывают, что глубина строя должна была составить в таком случае (при 12-полковом построении) до 1,5 км, а фронт – не менее 3 км.

Расчеты, конечно, очень грубые и приблизительные, но лучших пока нет. Делая их, мы исходили из предположения, что обе рати были, скорее всего, конными. Настоящая пехота, пешцы, на Куликовом поле вряд ли присутствовала. Выдержать в течение нескольких дней 30-км марша непрофессиональное «земское» ополчение, собираемое время от времени и не имеющее соответствующей подготовки, было неспособно (если только оно не было посажено на телеги для большей маршевой скорости – такая практика, судя по более поздним временам, существовала. Но в таком случае оно неизбежно будет малочисленным). Возможно, что часть русских всадников могла спешиться. Это маловероятно, хотя полностью исключить такой вариант нельзя. Во всяком случае, среди находок оружия на Куликовом поле найден наконечник, по меньшей мере, одной рогадины, которая была вооружением русских пешцев [25, с. 15, 48].

Возвращаясь к исчислению примерной численности русской рати, можно, конечно, предположить, что московский князь и его воеводы уплотнили боевой порядок за счет сокращения числа линий, сокращения интервалов между ними и увеличения глубины «полков» (до 10 или даже более шеренг) с уменьшением интервалов между ними. Но и в таком случае русская рать все равно должна была занимать значительное пространство как по фронту, так и в глубину – а иначе конные полки будут маневрировать с большим трудом, если вообще окажутся на это способны, а для конницы отказ от маневра равносильен поражению.

Приняв во внимание все эти соображения, можно с высокой степенью уверенности утверждать, что и для 15–16 тыс. войска Куликово поле было слишком мало. Следовательно, логичным было бы предположить, что ее численность была значительно меньше – при размерах поля 1,5 на 1 км более или менее свободно действовать на нем могли в лучшем случае примерно 5–6 тыс. всадников (т.е. мы видим цифру, названную в порядке предположения С.Б. Веселовским). Эту цифру мы и считаем наиболее отвечающей как условиям боя, так и тактике того времени, а значит, и наиболее вероятной. И если полагать названные в «Задонщине» и в т.н. «Синодике Успенского собора», который был опубликован Н.И. Новиковым [20, с. 119; 10, с. 451. Ср.: 4, с. 189], списки русских потерь (11 воевод и примерно 400–500 «бояр», т.е. мелких вотчинников, являвшихся под княжеские знамена «конно, людно и оружно», во главе небольшой, 3–5 чел. свиты [см., например: 38, с. 309–310]) соответствующими в общих чертах действительности, то потеря в битве только убитыми не менее 10% опытных, профессиональных воинов, подготовка которых длилась десятилетиями, должна была расцениваться как очень тяжелая.

1. Булычев А.А. Живые и мертвые // Родина. № 8. 2010. – С. 8–14.

2. Бурова О.В. Принципы и научно-методические подходы по восстановлению лесов Куликовского поля // Куликово поле. Исторический ландшафт. Природа. Археология. История. В двух томах. Т. I. – Тула: ООО «Власта», 2003. – С. 36–47.

3. Веселовский С.Б. Труды по источниковедению и истории России периода феодализма. – М.: Наука, 1978. – 343 с.

4. Выдержка из синодика Софийского Новгородского собора // Памятники истории русского служилого сословия. – М.: Древлехранилище, 2011. – С. 188–192.

5. *Гейсман П.А.* Краткий курс истории военного искусства в средние и новые века. – Ч. I. История военного искусства в средние века. – СПб., 1893. – 160 с.
6. *Гласко М.П., Сычева С.А.* Ландшафты места Донского побоища // Куликово поле. Исторический ландшафт. Природа. Археология. История. В двух томах. Т. I. – Тула: ООО «Власта», 2003. – С. 7–22.
7. *Горелик М.В.* Вооружение народов Восточного Туркестана // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Хозяйство, материальная культура. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. – С. 359–430.
8. *Горский А.А.* Москва и Орда. – М.: Наука, 2005. – 214 с.
9. *Горский А.А.* Русь: от славянского расселения до Московского царства. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 392 с.
10. Древняя Российская вивлиофика, содержащая в себе: собрание древностей российских, до истории, географии и генеалогии российских касающихся. Ч. VI. – М., 1788. – 506 с.
11. Ермолинская летопись // ПСРЛ. Т. XXIII. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 256 с.
12. *Иловайский Д.И.* История России. Т. II. Московско-литовский период или собиратели Руси. – М., 1896. – 605 с.
13. *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. V. – М.: Наука, 1993. – 560 с.
14. *Киртичников А.Н.* Военное дело на Руси в XIII–XV вв. – Л.: Наука, 1976. – 135 с.
15. Летописи белорусско-литовские // ПСРЛ. – Т. XXXV. – М.: Наука, 1980. – 306 с.
16. Московский летописный свод конца XV века // ПСРЛ. Т. XXV. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 488 с.
17. Никифор II Фока. Стратегика. – СПб.: Алетейя, 2005. – 288 с.
18. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // ПСРЛ. Т. III. – М.: Языки русской культуры. – 720 с.
19. Очерки истории СССР. Период феодализма IX–XV вв. В двух частях. Ч. II. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – 811 с.
20. Памятники Куликовского цикла. – СПб.: Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 1998. – 410 с.
21. *Приселков М.Д.* Троицкая летопись. – СПб.: Наука, 2002. – 514 с.
22. Продолжение летописи по Воскресенскому списку // ПСРЛ. Т. VIII. – М.: Языки русской культуры, 2001. – 312 с.
23. Псковские летописи // ПСРЛ. Т. V. Вып. 1. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 256 с.
24. *Разин Е.А.* История военного искусства. Т. 2. История военного искусства VI–XVI вв. – СПб.: ООО «Изд-во Полигон», 1999. – 656 с.
25. Реликвии Донского побоища. Находки на Куликовом поле. – М.: Квадрига, 2008. – 88 с.
26. Рогожский летописец. Тверской сборник // ПСРЛ. Т. XV. – М.: Языки русской культуры. – 504 стб., 35 с.
27. Русская военная сила. Т. I. – М., 1892. – 492 с.
28. *Рыбаков Б.А.* Военное искусство // Очерки русской культуры XIII–XV веков. Ч. 1. – М.: Изд-во МГУ, 1969. – С. 348–388.
29. *Салмина М.А.* К вопросу о времени и обстоятельствах создания «Сказания о Мамаевом побоище» // ТОДРЛ. Т. LVI. 2004. – С. 251–264.
30. Симеоновская летопись // ПСРЛ. Т. XVIII. – М.: Знак, 2007. – 328 с.
31. Сказания и повести о Куликовской битве. – Л.: Наука, 1982. – 420 с.
32. *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Т. 3 // Соловьев С.М. Сочинения в восемнадцати книгах. Кн. II. – М.: Мысль, 1988. – 765 с.
33. Софийская вторая летопись // ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. – М.: Языки русской культуры, 2001. – 240 с.
34. Тамерлан. Автобиография. Уложение. – М.: «Эксмо», 2006. – 512 с.
35. *Татищев В.Н.* История Российская с самых древнейших времен. Кн. 4. – СПб., 1784. – 595 с.
36. Типографская летопись // ПСРЛ. Т. XXIV. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 288 с.
37. *Черепнин Л.В.* Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках. Очерки социально-экономической и политической истории Руси. – М.: Соцэкгиз, 1960. – 899 с.
38. *Чернов С.З.* Волок Ламский в XIV – первой половине XVI в. Структуры землевладения и формирования военно-служилой корпорации (Акты Московской Руси: микрорегиональные исследования. Т. 1). – М.: Институт археологии РАН, 1998. – 544 с.
39. *Щербатов М.М.* История Российская с древнейших времен. Т. IV. Ч. I. – СПб., 1781. – 598 с.